

В. В. Акимов

«Что есть благо?»: поиск блага в месопотамском «Разговоре господина с рабом» и библейской Книге Екклезиаста

Месопотамский памятник «Разговор господина с рабом», созданный около X века до Р. Х. имеет целый ряд параллелей с библейской Книгой Екклесиаста. Это обусловлено тем, что оба этих памятника принадлежат к так называемой литературе мудрых, которая имела межнациональный характер и была распространена на географическом пространстве, которое можно назвать библейским миром. Сходство между рассматриваемыми памятниками касается и их диалогического характера, и их внимания к проблемам жизни и смерти, проблеме смысла человеческой деятельности, и их общего пессимизма, их отношения к женщине, их признания непостижимости мудрости, а также наличия юмористических элементов. Объединяет их и поиск блага.

Текст «Разговора» содержит диалог между господином и его рабом. Диалог заключен в 11 строфах, каждая из которых посвящена определенной теме. В каждой строфе стоит один и тот же призыв, анафора: «Раб, соглашайся со мной!»¹. С этого призыва – *arad mi-tan-gur-an-ni* – текст

¹ Здесь и далее без оговорок «Разговор» цитируется по изданию: *Диалог о благе* / пер. В. В. Емельянова // Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии* / В. В. Емельянов. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2003. С. 301-308.

памятника и начинается. Данные аккадские слова переводят по-разному – «Раб, повинуйся мне» (В. А. Якобсон), «Раб, слушайся меня / соглашайся со мной» (В. Лангдон). По мнению В. В. Емельянова, наиболее подходящим вариантом перевода является «Раб, соглашайся со мной», а сам диалог является диалогом-парадоксом, «в котором есть не два спорящих, а два формально согласных друг с другом собеседника»¹.

После каждого обращения к рабу господин высказывает свое очередное намерение сделать что-либо, и каждый раз раб мгновенно одобряет замысел своего господина. И каждый раз господин тут же меняет свое намерение, также мгновенно получая одобрение своего раба. Каждая строфа включает по два таких противоположных намерения, которые не просто одобряются рабом, но даже и обосновываются. Перед каждым вторым своим намерением господин заявляет: «Нет, не хочу я / не желаю я...». Так что рабу каждый раз принадлежит последнее слово. Раб напоминает античных софистов, способных обосновать любую точку зрения. В конечном счете, после чтения 10 строф можно прийти к выводу, что любое человеческое действие, дело, активность не имеет смысла в той же степени, в какой и имеет его.

В 10 строфах рассматриваются следующие деяния: посещение царя (поездка к царю на колеснице); омовение рук и вкушение пищи; поездка в степь (поездка на охоту или занятие бродяжничеством²); создание семьи и рождение

¹ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 180.

² В различных переводах имеется различная интерпретация намерения, описанного в третьей строфе. В. А. Якобсон считает, что господин захотел стать бродягой (*Комментарии. «Раб, повинуйся мне!..» Разговор господина с рабом // Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии*. М.: Алетейя, 2000. С. 396). О таком толковании говорит в примечании к переводу текста «Разговора» В. В. Емельянов: «Господин хочет отказаться от цивилизации и жить вольным промыслом, как животные и птицы» (Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 304). Однако чаще встречается такое толкование третьей строфы, согласно которому в ней выражено намерение господина заняться охотой. См., например: Greenstein,

детей; смирение перед врагом, противником (в суде); организация мятежа (совершение злодеяния); любовь к женщине; омовение рук и принесение жертвы; занятие ростовщичеством; совершение благодеяния для своей страны.

Обоснованность каждого из представленных действий фактически обесмысливает человеческую активность и даже размывает границы добра и зла. Поэтому, в конце концов, господин спрашивает раба о том, что же есть благо, добро. Ответ раба кажется резким, вызывающим, и даже наглым: благо в том, чтобы сломать шею и броситься в реку. Раздраженный таким ответом раба, господин заявляет, что он первым убьет самого раба. Но раб и тут не упускает возможности произнести последнее слово – «но мой господин без меня и трех дней не протянет». Это окончание истолковывается по-разному. Согласно переводу В. В. Емельянова, раб подразумевает, что господин так несамостоятелен, что он не сможет прожить без его помощи и несколько дней. Перевод В. А. Якобсон («А господин мой хоть на три дня меня переживет ли?»¹) допускает предположение о том, что раб имеет в виду скоротечность человеческой жизни: даже если раб умрет первым, господин его все равно не избежит смерти².

Edward L. Sages with a Sense of Humor: The Babylonian Dialogue between a Master and His Servant and the Book of Qohelet / Edward L. Greenstein // *Wisdom literature in Mesopotamia and Israel* / edited by Richard J. Clifford. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2007. P. 59. Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 192. Lambert, W. G. *Babylonian wisdom literature* / W. G. Lambert. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns, 1996 (Oxford, 1960). P. 145.

¹ «Раб, повинуйся мне!..» *Разговор господина с рабом* / пер. В. А. Якобсон // *Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии* / пер. с аккад. М.: Художественная литература, 1981. Этот же перевод опубликован в издании: *Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии*. М.: Алетейя, 2000. С. 231-236.

² О двойственности прочтения окончания см.: Greenstein, E. L. *Sages with a Sense of Humor: The Babylonian Dialogue between a Master and His Servant and the Book of Qohelet*. P. 56. (Примечание 3).

Итак, главный вопрос, который ставится и рассматривается в «Разговоре» – это вопрос, звучащий в последней, 11 строфе памятника – что же есть благо?¹

Аккадское слово *īābu(m)* имеет значение «хороший, приятный, сладкий». Выражая качество, оно использовалось как определение по отношению к вину, воде, еде, фи́миаму; земле, ветру, тени. Оно употреблялось также при характеристике физического и внутреннего состояния человека; благоприятного слова и доброго отношения, удачно сложившихся обстоятельств². Как пишет В. В. Емельянов, оно обозначало все то, что «человеку полезно, все, что безопасно для его здоровья и комфортно для его тела, все, что выгодно для него в плане продолжения рода и повышения по службе»³.

Ответ на вопрос о благе резок и груб: благо заключается в смерти. В контексте всего памятника этот ответ можно сформулировать так: благо не заключается в человеческой деятельности, никакая деятельность не имеет абсолютной ценности, благо – это бездействие и небытие. Именно поэтому данный диалог и называют пессимистическим⁴.

Вот как рассуждает об ответе на основной вопрос месопотамского памятника В. В. Емельянов. По мнению этого исследователя, автор «Разговора» хотел, главным образом, изобразить конфликт Воли (господина) и Рассудка

¹ Поэтому В. В. Емельянов даже называет в целом это произведение - «Диалог о благе».

² *A Concise Dictionary of Akkadian*. Ed. by J. Black, A. George, N. Postgate. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000. P. 412.

³ Емельянов, В. В. *Путыал в Древней Месопотамии*. С. 181.

⁴ Lambert, W. G. *Babylonian wisdom literature*. P. 139, n. 1.

Lambert, Wilfred G.. *Some New Babylonian Wisdom Literature / Wilfred G. Lambert // Wisdom in Ancient Israel: Essays in Honor of J. A. Emerton*. Ed. John Day. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 30–42, esp. 36.

Обзор интерпретации памятника см.: Bottéro, Jean. *The Dialogue of Pessimism and Transcendence / Jean Bottéro // Mesopotamia: Writing, Reasoning, and the Gods* (trans. Z. Bahrani and M. Van De Mieroop). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 251–276, esp. 257.

(раба), «смысл диалога в том, что одно и то же действие может иметь противоположные последствия, его исход непредсказуем, поэтому от действия следует воздержаться»¹. В контексте месопотамской культуры воздержание от действия было равносильно смерти. Для жителей Месопотамии было характерно ритуальное мышление. Всякое действие человека в этом мире есть обнаружение в этом мире того, что существует в мире идеальном. Уже в шумерской культуре каждому человеческому действию соответствовало его МЕ – «потенция, идея, выражающая волю к проявлению и бытию»². Актуальная форма любого действия имеет свою идеальную форму. «Действие эквивалентно бытию, а небытие означало бы отказ от действия»³.

Говоря о понимании блага как смерти, характерного для месопотамского памятника, нужно учитывать то важное обстоятельство, что у древних вавилонян и ассирийцев не было такого оптимистичного взгляда на загробное существование, какой был характерен для египтян. Поэтому слова о смерти как благе выглядят подчеркнуто пессимистично.

Автор Книги Екклезиаста также был занят поиском блага. Понятие блага в еврейском тексте выражается словом טוב. Этот еврейский термин обозначает благополучие, преуспевание, счастье; пользу, выгоду; собственность, имущество; нравственное добро; положительные качества кого-либо или чего-либо⁴. Интересно, что в Книге Екклесиаста это слово один раз используется в параллель к слову

¹ Емельянов, В. В. *Ритуал в Древней Месопотамии*. С. 183.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 184.

⁴ Значение этого термина и ссылки на многочисленные случаи его употребления в Ветхом Завете см.: *Enhanced Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon*, with an Appendix Containing the Biblical Aramaic, Based on the Lexicon of William Gesenius as Translated by Edward Robinson, by Francis Brown, with the Cooperation of S. R. Driver and Charles A. Briggs. Logos electronic edition, 2000.

«сладкий»: «И сладок свет, и хорошо глазам видеть солнце (וּמְתוֹק הָאוֹר וְטוֹב לְעֵינַיִם לְרִאוֹת אֶת־הַשֶּׁמֶשׁ)» (Еккл. 11:7)¹.

В Книге Екклезиаста этот термин встречается в разных смыслах 52 раза². Иногда он выступает в качестве определения («хорошая награда» (Еккл. 4:9), «доброе имя» (Еккл. 7:1), «благой день» (Еккл. 7:14), «благое сердце» (Еккл. 9:7)), иногда – в качестве сказуемого (в Еккл. 7:11 при характеристике мудрости: «мудрость – хороша» (ср. также Еккл. 11:6)). Слово טוב используется 15 раз в сравнительном обороте «טוֹב ... מִן»/ «лучше... чем»: 4:6, 13; 5:4; 6:3, 9; 7:1, 2, 3, 5, 8 (2 раза), 10; 9:4, 16, 18. Употребляется этот термин и в форме мужского, и в форме женского рода³.

Часто этот термин обозначает благо для человека в глобальном смысле, как счастье человека, как смысл его жизни и деятельности. Вопрос о таком благе в книге ставится также в связи с проблемой смысла человеческой деятельности.

Косвенно вопрос о благе впервые встает в Книге Екклезиаста в 1:3, где автор вопрошает о пользе, или выгоде, которую каждый человек приобретает от всех своих трудов. Напрямую вопрос о благе поднимается в Еккл. 2:1. Автор решает провести эксперимент, чтобы понять, в чем заключается для человека благо. И начинается этот эксперимент с испытанием веселья: «Я сказал – я с моим сердцем – пойди, я испытаю тебя весельем, и увижу благо (בְּטוֹב אֶמְרֶתי אֲנִי בְלִבִּי לְכֹהֵנָה אֲנִסְכָּה בְשִׂמְחָה וְרָאִה)» (Еккл. 2:1).

В Еккл. 2:3 автор выражает намерение испытать плоть свою вином и обняться с глупостью, «чтобы увидеть, что

¹ Еврейский текст Книги Екклезиаста цитируется по изданию: *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. Русский перевод еврейского текста книги дается в авторской редакции.

² Еккл. 2: 1, 3, 24 (дважды), 26 (дважды); 3: 12 (дважды), 12, 22; 4: 3, 6, 8, 9 (дважды), 13; 5: 4, 10, 17 (дважды); 6: 3 (дважды), 6, 9, 12; 7: 1 (дважды), 2, 3, 5, 8 (дважды), 10, 11, 14 (дважды), 18, 20, 26; 8: 12, 13, 15; 9: 2 (дважды), 4, 7, 16, 18 (дважды); 11: 6, 7; 12: 14.

³ В форме женского рода в следующих случаях: Еккл. 5:17; 7:11, 14; 9:16; 9:18 (дважды).

есть благо для сынов человеческих (טוב לְבְנֵי הָאָדָם), которому они должны следовать (трудиться) под солнцем малые дни своей жизни».

Благо автор хочет найти именно в совершении определенных поступков. Для достижения блага человек должен трудиться или предпринимать определенные действия (веселье тоже требует активности). Но во всех действиях автор разочаровывается. Дело, которое делается под солнцем (в том числе и его собственный труд), автор называет злом (רע). Еврейское слово רע, «зло», в книге противостоит слову טוב, «благо». Следует заметить, что автор не просто рассуждает отвлеченно, в бездействии, как раб и господин в вавилонском произведении, но проверяет свои рассуждения опытным путем.

Вместе с тем, в Книге Екклезиаста настойчиво подчеркивается, что благо заключается в том, чтобы есть, пить и трудиться, потому что все это дает Бог: «Нет для всякого человека иного блага, чем есть, и пить, и видеть благо своей душой в своем труде. Видел я также – я сам – что это – от руки Бога (אֵת נִפְשׁוֹ טוֹב בְּעִמְלּוֹ בַּמְזוּחַ הָאִתִּי אֲנִי כִי מִיַּד הָאֱלֹהִים הוּא) (אֵין טוֹב בְּאָדָם שֶׁיֵּאכַל וְשָׁתָה וְהִרְאָה)» (Еккл. 2:24)¹.

Благо заключается в веселье и делании *блага* (Еккл. 3:12); есть, пить и видеть *блага* в труде – дар Бога (Еккл. 3:13); нет иного *блага*, чем веселиться в делах своих (Еккл. 3:22); лучшее *блага* – есть, пить и видеть *блага* (в форме ж.р.) в труде (Еккл. 5:17); нет иного *блага*, чем есть, пить и

¹ Предлагаемый нами перевод значительно отличается от прочтения этого стиха в Синодальном тексте, где этот стих звучит следующим образом: «Не во власти человека и то, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией». Альтернативное прочтение стиха опирается на имеющийся в некоторых рукописях предлог מן перед словом שֶׁיֵּאכַל (*Biblia Hebraica Stuttgartensia*. P. 1339).

А. Графов переводит этот стих так: «Не в том ли благо для человека, чтобы он ел и пил и позволял своей душе своей изведать счастье в трудах?» (*Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Притчи. Книга Екклесиаста. Книга Иова*. Российское библейское общество, 2008).

веселиться (Еккл. 8:15); «для кого я тружусь и лишается душа моя *блага* (в форме ж.р.)?» (Еккл. 4:8).

Практически все благо, о котором идет речь в Книге Екклезиаста, связано с жизнью на земле, с богатством, с удовольствиями, проистекающими от земного благосостояния: возрастает *благо* (богатство, состояние в форме ж.р.), увеличиваются поедающие его (Еккл. 5:10); лучше выкидышу, чем человеку, душа которого не удовлетворилась *благом* (в форме ж.р.) (Еккл. 6:3); умирают все, и те, кто не видел *блага* (Еккл. 6:6); в *благой* день нужно быть в *благе* (Еккл. 7:14); нет праведного человека, который будет делать *благо* и не согрешит (Еккл. 7:20); будет *благо* боящимся Бога (Еккл. 8:12); не будет *блага* злomu (Еккл. 8:13).

Выражение «видеть благо» в Библии фактически является идиоматическим выражением, обозначающим получение удовольствия, наслаждения, обретение счастья. Как уже можно было заметить выше, встречается оно в Еккл. 2:24; 3:12-13; 5:17; 6:6, причем в 3 и 5 главах оно также связано с едой и питьем. Благо с едой и питьем связывается и в Еккл. 8:15.

Два раза в книге встречается выражение «творить благо» (Еккл. 3:12; 7:20). Вполне возможно, оно подразумевает исполнение заповедей Божиих. Кроме того, слово *טוב* используется в книге для обозначения праведного человека (Еккл. 9:2). В Еккл. 2:26 оно употребляется дважды, обозначая благого человека, которому Бог дает мудрость, знание и веселье, и который противопоставляется согрешающему человеку. Благого человека, который может спастись от злой женщины, и которому противостоит согрешающий человек, это слово обозначает в Еккл. 7:26.

Так что в самой Книге Екклезиаста благо рассматривается и как активное, деятельное использование всего потенциала, заложенного в человеческой жизни, и как следование заповедям Божиим. Но и в том, и в другом автор как будто сомневается. Характерен вопрос, который звучит в середине книги: «Ведь кто знает, что благо для всякого человека в жизни, в немногие дни его пустой жизни, которые

подобны тени (וַיֵּשֶׁם כְּצֶל אֲשֶׁר מִיַּיִנִּיר לְאָדָם מִהֵיחֵיָהּ אֲחֵרָיו תַּחַת הַשֶּׁמֶשׁ) (Еккл. 6:12).

Представляется, что ответ о благе, который предлагается книге, находится в ее самом конце, в стихе, в котором даже отсутствует само слово טוב:

«Итог всего слова: бойся Бога и храни Его заповеди, потому что это – все для каждого человека (פִּיזָה כָּל־הָאָדָם) (Сוף הַכֶּבֶד הַכֹּל נִשְׁמַע אֶת־הָאֱלֹהִים וְרָא וְאֶת־מַצּוּתָיו שְׂמוֹר) (Еккл. 12:13). Этот ответ созвучен с другими словами, обращенными к юноше: «Веселись, юноша, в молодости твоей, и пусть убажается сердце твое в дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего, и по смотрению глаз твоих, но знай, что за все это приведет тебя Бог на суд (כִּלְאֵלָהּ וּבִיאָד הָאֱלֹהִים בְּמִשְׁפָּט) וַיִּשְׁבֶּךְ לְבָבְךָ בַחֲזוֹרוֹתֶיךָ וְהִלַּךְ בְּדַרְכֵי לֵבָב וּבְמַרְאֵי שֵׁינֶיךָ וְדָע כִּי עַל בְּלִדוֹתֶיךָ (שָׂמַח בְּחַוֵּר בְּלִדוֹתֶיךָ)» (Еккл. 12:9).

Для человека важен и мир с его радостями и наслаждениями и Бог, даровавший все это человеку. Наслаждаясь жизнью, человек не должен забывать об Источнике всего, Источнике мироздания, радости, наслаждения, блага – Боге. В конечном счете, Сам Бог даровал человеку огромный мир со всеми его возможностями, дал человеку способность трудиться и получать удовольствие от труда. Благо – это жизнь в мире, сотворенном Богом, в согласии с Богом, в соответствии с божественным замыслом.

В отличие от библейской книги, месопотамский памятник оставляет вопрос о благе практически без ответа. Ответ, изображающий благо как бездействие и как смерть, не лишен юмора. Глубокая философская проблема представляется в нем в развлекательной, веселой форме. «Разговор» ставит проблему о благе, но не дает на него полного ответа. Он только подчеркивает ограниченность человеческой мудрости, человеческого понимания. В Книге Екклестиаста также имеется и скепсис, пессимизм, и юмор, и признание человеческой ограниченности. Но само благо в ней, в конечном счете, неотделимо от исполнения заповедей Бога, то есть от Самого Бога, без Которого весь мир и вся человеческая жизнь и деятельность становятся мимолетной, пустой, тщетной, суетной и бессмысленной.